

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Папин подарок накануне помолвки оказался чудесным — дома сугробы, давящее свинцовое небо, забирающийся под пуховик холод, и вдруг посреди всего этого десять дней под ярким до одурения солнцем. А к этому солнцу — пронизывающая до дрожи, непривычная беззаботность, написанная на смуглых улыбчивых лицах хозяев крошечного кораллового острова, который, похоже, можно обойти за час. Но они никуда не ходили — у них было свое бунгало, свой бассейн и свой выход к океану. Они наслаждались друг другом и дикой любовью — на берегу Индийского океана она была действительно дикой. А вот остановка на обратном пути в Дубае впечатление от отдыха подпортила. Нет, все было прекрасно — и номер, и еда, и экскурсии, и шопинг, конечно. Но! Но все это оставило на зубах оскомину. Почему? Да потому что, положа руку на сердце, Наташе не нравится... хм... дух мусульманских стран. Вернее, стран, где господствуют законы шариата.

Ну как можно спокойно смотреть на женщину, спрятанную в тряпичный бесформенный кокон, пусть даже она выходит из «лаборджини» с сумочкой «шанель» в изящной руке, украшенной кольцами с такими бриллиантами, что солнце от зависти к их блеску прячется за горизонт? Она поделилась этим с Лешей, а он:

— Это их культура.

— Да какая еще культура? — возмутилась Наташа. — Это проявление всего самого низкого, что только может быть

в мужчинах. Тоже мне культура — относиться к женщине хуже, чем к скотине! Я читала в книжке какого-то их автора... не помню фамилию... Там мужик на жизнь жалуется, знаешь как? Лошадь умерла, а жена сдохла! Для них забить женщину камнями — раз плюнуть.

— Но это же не просто так, — возразил Леша, — это за измену.

— Ах, за измену?! — возмутилась Наташа. — Да кто вам дал право так рассуждать?!

Она легонько ткнула его кулачком в плечо.

— Ой, а я при чем? — удивился Леша.

— Зачем говоришь так? Так нельзя! Это... — Она всплеснула руками. — Это... Ты же цивилизованный человек, умный, добрый...

— Да, я цивилизованный, но когда речь идет об измене любимой женщины, то не знаю, как бы я поступил, — задумчиво произнес Леша.

Наташа круглыми глазами уставилась на него:

— Ты что, смог бы убить?

— Ну...

Леша пожал плечами, но вдруг расплылся в улыбке.

— Ах ты... — Наташка рассерженно толкнула его ногой под столом.

— Ой! — Он скривился. — Ну за что мне такое наказание?

— Лешенька, я тебя больно ударила?

Наташа приподняла длинную, до пола скатерть и заглянула под стол. Парень потер голень и застонал.

— Лешка, любимый... — Она присела на корточки и погладила его по ноге. — Леша, прости меня! — Ее сердце бешено колотилось от испуга. — Дай посмотрю. — Она потянула льняную штанину вверх. — Где болит?

— Ой... — стонал Леша, — везде...

Наташа подняла голову — Лешка с трудом сдерживал смех. Она вскочила и уперлась руками в бока.

— Ах ты...

Ее распирало от смеха и негодования.

Леша навалился грудью на стол и засмеялся. Наташа окинула взглядом зал ресторана — на них было направлено немало глаз. Она фыркнула и, чувствуя, как краска заливает лицо, села на место. Леша перестал смеяться и взял в руки бокал.

— Я хочу выпить за тебя... — Он пригубил манговый сок и скривился. — Как они тут живут? — Он поставил стакан на стол. — В полном запрете спиртного есть что-то ненормальное... Уверен, все эти эмиры и шейхи дома хлещут и виски, и вино.

— Конечно хлещут, — хмыкнула Наташа, из-под ресниц наблюдая за шумной компанией мужчин, одетых в бежевые и светло-зеленые кандуры. — Уверена, у каждого из этих... — она брезгливо скривилась, — дома десятков жен и они лупят их смертным боем, а потом как ни в чем не бывало идут к проституткам.

— Наташка, замолчи, — прошептал Алексей, — они могут услышать... Они могут понимать наш язык. Ты слишком близко принимаешь все это к сердцу. — Он недоуменно пожал плечами.

— Я не могу иначе! Две мои сокурсницы серьезно пострадали от таких... — Наташа бросила взгляд в сторону мужской компании.

— А что с ними случилось?

— С ними случилось ужасное...

Леша скривился:

— Давай без подробностей, я догадываюсь, о чем речь. Скажу так: нечего было лезть к арабам.

— Они не лезли, они любили.

— Да брось ты! — фыркнул Леша. — Они просто член обрезанный не видели, вот им и захотелось.

— Лешка, ты нахал! — фыркнула Наталья и на этом, как девушка образованная и вдобавок с дипломом юриста, дискуссию с женихом прекратила, а вот диалог с собой продолжила, потому что неприемлемое ее душой всегда застревало костью в горле, гвоздем в голове и бревном в глазу.

И ничто из этой троицы не покидало Наташу до той минуты, пока она все непонятное не «пережевывала» и не «распределяла»

по понятным только ей полочкам и уголкам мало с чем мирящейся души. Папа за такое свойство характера называл ее «однокапальная» и хвалил: мол, с подобной въедливостью она станет успешным адвокатом, таких в американских фильмах показывают. Безусловно, станет — она обожает бороться за справедливость! — но в данный момент Наташа пребывала в смешанном состоянии недоумения, негодования и обескураженности, потому как их окружала несправедливость во всех ее проявлениях: сюда женщине категорически нельзя, а сюда можно, но только с мужчиной. Но чему она была несказанно удивлена — ее сочувствие и жалость к «коконам» каждый день претерпевали изменения. Возможно, необратимые. А на исходе третьего дня, перед вылетом, накрылись ледяной коркой: не видя глаз, скрытых сетками паранджи, она кожей ощущала сочившееся из них неприятие и — о, это даже в пьяном бреду не поймешь! — превосходство.

— Да что за идиотизм ты вбила себе в голову? — сердился Леша. — Ты этим бабам не нужна! Слушай, а когда у тебя месячные? Может, попринимай успокоительное, а то ты какой-то бред несешь.

Наташа не дискутировала — Лешка мужчина, он шестого чувства не имеет. Вот папа бы ее понял. Он ее лучше всех понимает и всегда поддерживает. Он удивительно чуткий. Не то что этот гусь, проплывающий мимо. Наталья изо всех сил старается не рассмеяться. Ой, мама дорогая! Плывет, мать его, лебедем, пузо вперед, ножки навыворот, за ним семят три «кокона», а он так и елозит по Наташке глазами, так и елозит! А Наташу разбирает нешуточный смех. Но она сдерживается: нельзя! Чужая держава. Чуждая культура. Не наши порядки.

ГЛАВА 2

Еще во время учебы в юридическом институте она столкнулась с отвратительной стороной отношения мужчин к женщинам — ее сокурсница, вполне умная девчонка, влюбилась в сирийца из

медицинского. Наташа понимала, что не только сирийцы, палестинцы или еще какие-то иностранцы так себя ведут, а и вполне пристойные украинцы измываются над женами, но тот случай шокировал ее, потому как все произошло на ее глазах и она к девушке в больницу ездила... Сириец был из культурной семьи: отец врач, мама, естественно, не работала, даже хиджаб никогда не носила, а исключительно европейскую одежду, на всех фото выглядела вполне счастливой и беззаботной. Отношения зашли далеко — девушка забеременела. И тут случилось самое непонятное: возлюбленный избил ее до полусмерти за то, что пошла с девчонками в кафе без его разрешения. Ей даже в голову не пришло спрашивать у него разрешения, она просто рассказала: «Я ела обалденное мороженое!» Сириец забрал у девушки мобильный телефон и держал ее в запертой комнате на съемной квартире почти двое суток без воды и еды. Этот горе-любовник кричал, что она проститутка, как и ее подружки, мама, бабушка и вообще все не-сирийки. В придачу сломал ей два ребра, нос, выбил несколько зубов, порвал ухо — это он снимал подаренные ей сережки. В общем, «воспитывал» всеми возможными способами, пока не довоспитывался до маточного кровотечения. Понимая всю опасность случившегося — в смысле, опасность для себя! — он выволок девушку на площадку и сбежал к друзьям, строго-настрого приказав говорить, что она упала с лестницы и вообще его не видела. Она так и говорила. И это больше всего сбило Наташку с толку: избитая и оскорбленная девушка лгала в пользу нелюдя! Ребенка она, конечно, потеряла. Ее отец, прокурор, добился того, что эту сволочь выдворили из страны. Но эта история не отрезвила других девчонок, и буквально через полгода еще одна их сокурсница попала в подобную ситуацию с очень вежливым и воспитанным парнем из Афганистана. Наташа больше не повторяла бездумно знаменитую фразу «Восток — дело тонкое», а вкладывала в нее определенный смысл: понять, что творится в голове человека, выросшего в другой культуре и религии, невозможно. Может быть, где-то и были «не такие» мусульмане, но она в это не верила. Больше всего ее бесили соотечественницы, принявшие мусульманство: